

СЛАВЯНСКИЙ СТИХ

СТИХ, ЯЗЫК, СМЫСЛ

VIII

Под редакцией

А. В. Прохорова, Т. В. Скулачевой

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

А. К. ЖОЛКОВСКИЙ
(США)

РУССКОЕ ИНФИНИТИВНОЕ ПИСЬМО НА RENDEZ-VOUS: ФЕТ / МЮССЕ

1

Под инфинитивным письмом (ИП) понимаются абсолютные или достаточно длинные и потому практически автономные серии глаголов в неопределенном наклонении, контекстуально более или менее свободные от категорий лица, времени, конкретной модальности и т. п., — «чисто» инфинитивные структуры [1; 2; 3]. Их обобщенный семантический ореол может быть определен как «медитация о виртуальном инобытии». В русской поэзии ИП стало складываться в XVIII в. под влиянием французских образцов, хотя какие-то отечественные зачатки можно усмотреть в «Слове о полку Игореве», народной поэзии и ранней силлабике.

М. В. Ломоносов, ориентировавшийся больше на латинскую и немецкую поэзию, ИП практически не пользовался, зато у «галломана» В. К. Третьяковского (1703—1768) в «Езде в Остров Любви» (1730) есть два стихотворения, воспроизводящих в русской силлабике инфинитивный строй таллемановских оригиналов [9]:

Видеть все женски лица
Без любви беспристрастно;
Спознать нову с девицы
Учинять повсечасно;
Казать всем то ж учтивство,
Всё **искать** свою радость.
Такову то любимство
Дает в жизни всем сладость!

*Voir toute les beautez sans amour, sans desirs
Et faire chaque iour nouvelle connoissance,
Avoir pour tous obiets la mesme complaisance,
Et chercher en tous lieux sa ioye et ses plaisirs,
C'est agreable et douce vie
Que l'on mene en Galanterie.*

О коль сердцу есть приятно
Видеть за неверну мниму,
 Речи нам **предлагать** внятно
 К оправданию любиму,
 Тысящи извинений
Искать, и своей рукою
 От стужных сердца кипений
Утирать плач, а собою
 Чрез великие милости
Платить за горькие очам
 Слезы и за унылости,
 Что были по дням, по ночам.

Qu'il est doux de **voir** une belle
 Que l'on prenoit pour infidelle
 En peine de nous **appaier**,
Chercher mille raisons pour **tascher** d'excuser
 Quelques offenses pretendues
 Et de sa belle main essuyant tous nos pleurs,
 Nous **payer** par mille faveurs
 Les larmes qu'on a re'pandues.

Ко времени Таллемана (1619—1692) французская поэзия имела по меньшей мере вековую традицию ИП, опережая русские начинания на два столетия. Особенно характерно сочетание ИП с твердой сонетной формой — одна из конструкций, распространенных как в русской, так и во французской поэзии. Уроженцу Франции и бельгийскому типографу Кристофу Плантену (Christophe Plantin, 1514?/1519?/1520?—1589) принадлежит часто антологизируемый инфинитивный сонет «Le bonheur de ce monde» (15??), интересный образец редкого в раннем ИП положительного взгляда на мир:

Avoir une maison commode, propre et belle,
 Un jardin tapissé d'espaliers odorans,
 Des fruits, d'excellent vin, peu de train, peu
 d'enfans,
Posséder seul, sans bruit, une femme fidèle.

Дом **иметь** удобный, чистый и красивый,
 Сад, плоды, вокруг шпалер душистых
 строй,
 Мало беспокойства и детей шумливых,
Обладать всецело верною женой.

N'avoir dettes, amour, ni procès, ni querelle,
 Ni de partage à **faire** avecque les parents,
Se contenter de peu, **n'espérer** rien des Grands,
Régler tous ses desseins sur un juste modèle.

Без долгов, любви и дележа с роднею,
 Без ненужных споров и разладов **жить**,
 Удовлетворяясь лишь своей судьбою,
Требовать немного и довольным **быть**.

Vivre avecque franchise et sans ambition,
S'adonner sans scrupule à la dévotion,
Dompter ses passions, les **rendre** obéissantes.

Не надеясь тщетно на великих мира,
Подчинить страстей бесстыдного кумира
 И благочестивой жизни не **скрывать**.

Conserver l'esprit libre, et le jugement fort,
Dire son Chapelet en cultivant ses **entes**,
 C'est **attendre** chez soi bien doucement la mort.

Смело **принимать** разумное решение
 И, перебирая четки и трудясь в смирении,
 Дома неизбежной смерти **ожидать**¹.

¹ Пер. Веры Швех.

Инфинитивные сонеты находим и у великого современника Плантена — Иоахима Дю Белле (Joachim Du Bellay, 1522?—1560). Среди его «Сожалений» («Les Regrets»; 1558) — целых пять инфинитивных сонетов (из них три подряд: 84—86, 113, 121), и все они сатирически изображают римский образ жизни. Приведу 85-й сонет:

Flatter un crédeur, pour son terme allonger	Усвоить в совершенстве лезть,
Courtiser un banquier, donner bonne espérance,	Умаслить ею кредитора,
Ne suivre en son parler la liberté de France,	Ходить сторонкой, прятать взоры
Et pour répondre un mot, un quart d'heure y songer:	И позабыть родную честь,
Ne gâter sa santé par trop boire et manger,	Поменьше пить , пореже есть
Ne faire sans propos une folle dépense,	И разговляться разговором,
Ne dire à tous venants tout cela que l'on pense,	Морочить иностранца вздором,
Et d'un maigre discours gouverner l'étranger:	В карман и в душу к нему лезть ,
Connaître les humeurs, connaître qui demande,	Забывать про все и ждать удачи —
Et d'autant que l'on a la liberté plus grande,	А оседлав Фортуны клячу ,
D'autant plus se garder que l'on ne soit repris:	Не уступать ее другим.
Vivre avecques chacun, de chacun faire compte:	Вот вся, Морель, премудрость — с нею
Voilà, mon cher Morel (dont je rougis de honte),	Я свыкся , от стыда краснея,
Tout le bien qu'en trois ans à Rome j'ai appris.	Три года проклиная Рим ² .

Традиция подобных сатирических сонетов сохранялась во Франции и век спустя и постепенно приникала в Россию. С. А. Тучкову (1767—1839) принадлежит сонет «Придворная жизнь» (1789), являющийся точным переводом сонета некоего Сен-Мартена (Saint-Martin), написанного не позднее 1765 г. Ср.:

Быть предану властям и оным лишь служить ,	Servir le Souverain, ou se donner un Maître,
Зависеть от других и воли не иметь ,	Dépendre absolument des volontés d'autrui;
В местах тех обитать , где б не хотелось быть ,	Demeurer en des lieux où l'on ne voudroit être,
За несколько утех премного скак терпеть ;	Pour un peu de plaisir, souffrir beaucoup
Что в сердце чувствуешь, того не сметь	d'ennui.
сказать,	Ne témoigner jamais ce qu'en son coeur on
Любимцам следовать , при том их не любить ,	pense,
Надеждой богатеть , а в существе нищать ,	Suivre les Favoris, sans pourtant les aimer;
То, чем гнушаешься, из силы всей хвалить ;	S'apauvrir en effet, s'enrichir d'espérance;
С вельможей льстиву речь искусно	Louer tout ce qu'on voit, mais ne rien estimer;
продолжать,	Entretenir un Grand d'un discours qui le flate,
Смеяться верности, пронырливость ласкать ,	Rire de voir un chien, caresser une chate;
Есть поздно завсегда, день в ночь	Manger toujours trop tard, changer la nuit
преобразить,	en jour;

² Вольный пер. с фр. С. Я. Бронина. М.: Скорпион, 1992. OCR Бычков М. Н. Дю Белле. Сонеты <http://lib.ru/POEZIQ/DUBELLE/dubelle.txt>.

С кем встретишься, лобзать, а друга не иметь, N'avoir pas un ami, bien que chacun on baise;
 Казать веселый вид, спокойствия ж не зреть. Etre toujours debout, et jamais à son aise,
 Вот кратко, при дворе как должно гибко жить. Fait voir en abrégé comme on vit à la Cour.

Еще один жанровый тип ИП — обобщенно-ироническое изображение жизни человека вообще, так сказать, condition humaine. Ср. «Путешествие» (1803) И. И. Дмитриева (1760—1837) — перевод басни-притчи Флориана (Jean-Pierre Claris de Florian, 1755—1794) «Le voyage»:

Начать до света путь и ошупью идти,
 На каждом шаге спотыкаться;
 К полдням уже за треть дороги
 перебраться;

Тут с бурей и грозой бороться на пути,
 Но льстить себя вдали какою-то мечтою;
 Опомнясь, под вечер вздохнуть,
 Искать пристанища к покою,
 Найти его, прилечь и наконец уснуть...
 Читатели! загадки в моде;
 Хотите ль ключ к моей иметь?
 Всё это значит в переводе:
 Родиться, жить и умереть.

Partir avant le jour, à tâtons, sans voir goutte,
 Sans songer seulement à demander sa route;
 Aller de chute en chute, et, se traînant ainsi,

Faire un tiers du chemin jusqu'à près de midi;
 Voir sur sa tête lors s'amasser les nuages,
 Dans un sable mouvant précipiter ses pas,
 Courir, en essuyant orages sur orages,
 Vers un but incertain où l'on n'arrive pas;
 Détrempé vers le soir, chercher une retraite,
 Arriver haletant, se coucher, s'endormir:
 On appelle cela naître, vivre et mourir.
 La volonté de Dieu soit faite!

2

В XIX в. русское ИП развивалось в значительной мере самостоятельно. Важными вехами можно считать «Снигирь» (1800) Г. Р. Державина (1743—1816), оригинально совместившее в портрете Суворова две ветви традиционного ИП — ироническую и идеализирующую: Суворов представлен одновременно забавным чудачком и образцовым героем; и «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (1799—1837), продолживший смещение жанрово-оценочных установок ИП: «Письмо Онегина» (1831) ставит на службу романтическому признанию в любви стереотипы иронического портрета несчастного воздыхателя.

Очередным поворотным пунктом — и одновременно очередным тактом французского влияния — стало стихотворение А. А. Фета (1820—1892) «Одним толчком согнать ладью живую...» (1887; п. 1888), положившее начало метапоэтической струе ИП, вскоре подхваченной поэтами Серебряного века.

Одним толчком согнать ладью живую
 С наглаженных отливами песков,
 Одной волной подняться в жизнь иную,
 Учуять ветр с цветущих берегов,

типизирующего тона в пользу лирического и метапоэтического. ИП разрабатывалось Фетом на всем протяжении его творчества. Обратим внимание на сходную роль *песни, лепета, слов, выражений, речей, имени и звуков*, с одной стороны, в двух хрестоматийных ранних стихотворениях (1843; 1844), где уже отчетливо выявлено совмещение любовной и метапоэтической тем:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
 Что оно горячим светом
 По листьям затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
 Весь проснулся, веткой каждой,
 Каждой птицей встрепенулся
 И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
 Как вчера, пришел я снова,
 Что душа всё так же счастью
 И тебе **служить** готова;

Рассказать, что отовсюду
 На меня весельем веет,
 Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
 Коварный **лепет** твой, улыбку, взор случайный,
 Перстам послушную волос густую прядь
 Из мыслей **изгонять** и снова **призывать**;
 Дыша порывисто, один, никем не зримый,
 Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
 В **словах**, которые произносила ты;
Шептать и **поправлять** бывшие **выраженья**
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
 И в опьянении, наперекор уму,
 Заветным **именем** будить ночную тьму,

и в аналогичной и не менее знаменитой инфинитивной формуле из позднего стихотворения «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» (1877):

И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
 Тебя **любить**, **обнять** и **плакать** над тобой

А жизни нет конца, и цели нет иной,
 Как только **веровать** в рыдающие звуки,
 Тебя **любить, обнять и плакать** над тобой!

У Мюссе ИП появляется относительно поздно — через десяток лет после начала поэтической деятельности, причем хронологически самые ранние инфинитивные серии в каноническом собрании его стихов [8] принадлежат не ему, а Сент-Бёву, ср. «À M. Alfred de Musset. Réponse de M. Sainte-Beuve» (1837):

...On croyait tout **changer**, il faut que tout demeure.
Railler, maudire alors, amer et violent,
 A quoi bon? — Trop **sentir**, c'est bien souvent **se taire**,
 C'est **refuser** du chant l'aimable guérison,
 C'est **vouloir** dans son coeur tout son deuil volontaire,
 C'est **enchaîner** sa lampe aux murs de sa prison!..

Интересно, что в следующем же году Мюссе пишет собственный сонет «À Alf. T.» (1838) с инфинитивами, особенно в сестете:

Qu'il est doux **d'être** au monde, et quel bien que la vie!

 Je laissais au hasard **flotter** ma rêverie;

 — Oui, la vie est un bien, la joie est une ivresse;
 Il est doux **d'en user** sans crainte et sans soucis;
 Il est doux de **fêter** les dieux de la jeunesse,

 De **couronner** de fleurs son verre et sa maîtresse,
D'avoir vécu trente ans comme Dieu l'a permis,
 Et, si jeunes encor, **d'être** de vieux amis.

Опыты с ИП продолжают затем в «Une Soirée perdue» (1840):

...Quelle mâle gaîté, si triste et si profonde
 Que, lorsqu'on vient d'en **rire**, on devrait en **pleurer**!
 Et je me demandais : Est-ce assez **d'admirer** ?
 Est-ce assez de **venir**, un soir, par aventure,
D'entendre au fond de l'âme un cri de la nature,
D'essuyer une larme, et de **partir** ainsi,
 Quoi qu'on fasse d'ailleurs, sans en **prendre** souci?..;

в «Sur la paresse» (1842):

...Puis enfin, tout au bas, la dernière de toutes,
 La fièvre de ces fous qui s'en vont par les routes

Arracher la charrue aux mains du laboureur,
 Dans l'atelier désert **corrompre** le malheur,
 Au nom d'un Dieu de paix qui nous prescrit l'aumône
Traîner au carrefour le pauvre qui frissonne,
 D'un fer rouillé de sang **armer** sa maigre main,
 Et se **sauver** dans l'ombre en poussant l'assassin...;

и в еще одном «Сонете» (1849?; п. 1851), где на ИП построен октет:

Se voir le plus possible et **s'aimer** seulement,
 Sans ruse et sans détours, sans honte ni mensonge,
 Sans qu'un désir nous trompe, ou qu'un remords nous ronge,
Vivre à deux et **donner** son coeur à tout moment;

Respecter sa pensée aussi loin qu'on y plonge,
Faire de son amour un jour au lieu d'un songe,
 Et dans cette clarté **respirer** librement —
 Ainsi respirait Laure et chantait son amant...

Примечательно, что хотя ни в одном из этих текстов — в отличие от «Экспромта» (1839) — ИП не ставится на службу метапоэтической тематике, более или менее одновременно пишутся, хотя и не публикуются, «Stances à Buloz» (1838—1848; п. 1887), с инфинитивными строчками о свободе творчества:

...Vous qui disiez jadis être de mes amis,
 De **demander** des vers que je vous ai promis?

Rimer, ô mon ami! vous voulez que je rime!

 Vous qu'on voit en public **feindre** l'horreur du crime,

M'enjoindre de rimer du jour au lendemain!

Наконец, среди опубликованных посмертно и недатируемых стихов Мюссе есть озаглавленное «Sur la poésie» (с куп. 1896; полн. 1910):

...Tant que l'humanité se meut, son âme existe
 Aussi bien que son corps — C'était votre métier,
 Rêveurs, **de la comprendre** au lieu de la nier,
 C'est à vous **de frapper** les entrailles du monde
 Comme Eblis a frappé les entrailles d'Adam,
De chercher où le coeur lui soulève le flanc,
De fendre d'un regard cette mine profonde,
 Et **de vous écrier**, comme l'esprit du feu:
 Ceci nous appartient et le reste est à Dieu!..

3

Как видим, метапоэтический «Экспромт» стоит в ряду инфинитивных опытов Мюссе несколько особняком. Что касается Фета, то хотя метапоэтичность «Одним толчком согнать ладью живую...», написанного в самом конце творческого пути, лучше подготовлена его ранними опытами в области ИП, тем не менее и оно решительно выделяется из общего инфинитивного фона. Обратимся к сопоставлению этих двух текстов.

«Экспромт», в полном соответствии со своим названием, разрабатывает романтическую (на грани импрессионизма) тему способности поэзии к выражению чувств — мгновенному, точному, мастерски лаконичному, не закрывающему глаз на отрицательные эмоции и гениально претворяющему их в прекрасное. Указания на некое иное бытие, не сводящееся к непосредственно переживаемому моменту, есть, но это лишь намеки: упоминание о мечте, *rêve*, и готовность ее увековечить, *éterniser*, а также описание поэта как находящегося *ici-bas*, в земной реальности, но нацеленного на контакт с подразумеваемой надмирной. Таким образом, семантический потенциал ИП как «медитации об инобытии» использован Мюссе главным образом в той мере, в какой «иным» предстает сам поэт. На эту тему ИП работает характерной для него интенсивностью повторов (повторяются как инфинитивы, так и другие однородные члены) и, главное, единством синтаксического периода, иконизирующего «одномоментность» гениального импровизационного озарения.

Стихотворение Фета во многом следует структуре «Экспромта» (это тоже единый период в 12 строк с нанизыванием однородных членов) и его романтико-импрессионистической программе (ср.: *одним толчком... одной волной... учуять... единым звуком... вдруг... сладость тайным мукам... вмиг... сердце... шепнуть... язык немеет, сердце... невец лишь избранный... венец*). Мотив «*rêve*» присутствует и здесь, причем в негативном повороте (ср. *Peut-être éterniser le rêve d'un instant* и *Тоскливый сон прервать единым звуком*), но получает мощное развитие в важном новом направлении. Все стихотворение устремлено в «иное» — «чужое», но тут же осваиваемое, превращаемое в «свое» благодаря магической силе поэзии, причем не случайно именно поэзии инфинитивной, по определению интересующейся «инобытием» (ср. *подняться в жизнь иную... упиться... неведомым, родным... чужое почувствовать своим*). Фетовское *подняться* вырастает из *ici-bas* Мюссе, но именно вырастает, как количественно, так и качественно. В литературной перспективе «иная жизнь» предвещает символистское направление *a realia ad realiora*, недаром в *Учуять ветр с цветущих берегов* слышится прообраз блоковского *И очи синие бездонные / Цветут на дальнем берегу*⁴.

Переброска в инобытие планируется Фетом с помощью символического транспортного средства — «ладьи», которой нет в «Экспромте», где отсутствует и сама

⁴ Федоров [б: 576] связывает эту «идеалистическую» установку Фета с известным влиянием на него философии Шопенгауэра.

пространственная метафора контакта с иным. Транспортным средствам в иное — пролеткам, мальпостам, каретам, корветам, кораблям, пароходам, железной дороге, вагонам, грузовикам, трамваям, ракетам (не говоря о мысленных превращениях в птиц, пчел, бабочек, сирен и т. д.)⁵ — предстояло, с легкой руки Фета, большое будущее в русском ИП⁶. Однако у фетовской «ладьи» были и прототипы, — правда, применявшиеся не в качестве «метапоэтического транспорта», а для более непосредственных перемещений в пределах земной реальности, однако символически (хотя и не символистски) выполнявших общую установку ИП на «иное».

Корабль не назван, но подразумевается в инфинитивной серии из «Сатиры II» (1743) Антиоха Кантемира (1708—1744), последователя Буало (1636—1711)⁷, — во фрагменте, описывающем в качестве «иногo» не порицаемое, а примерное поведение:

Небес положение на земле способный
 Бывает нам проводник и, когда страх мучит
 Грубых пловцов, кормчего искусного учит
 Скрытый камень миновать иль берег опасный,
 И в пристань достичь, где час кончится ужасный.
 Недруга догнать, над ним занять ветр способный
 И победу исхитить, вступя в бой удобный, —
 Труд немалый...

У А. С. Хомякова (1804—1860) есть богатое инфинитивными структурами стихотворение «Просьба» (1828? 1831?; п. 1831), развивающее романтическую тему воинской и поэтической (!) силы⁸, в частности, путем противопоставления «утлой ладье» образа «могущего корабля»:

...В час утренней зари, румяной и росистой,
 Услышать пушки глас, зовущий нас к боям,
 Глядеть, как солнца луч златистый,
 Играя, блещет по штыкам

⁵ О перемещениях, транспортных средствах и метафорах в ИП см. [2; 3].

⁶ Так, преломление фетовской строки *Одним толчком согнать ладью живую* соблазнительно усмотреть в инфинитивной мандельштамовской: *Не отвязать неприкрепленной лодки* («Возьми на радость из моих ладоней...», 1920), в свою очередь, перекликающейся [5: 122] с еще двумя образами в стихах 1920 г.: *Это ласточка и дочка / Отвязала мой челнок* («Что поют часы-кузнечик...») и *В сухой реке безмолвствует челнок* («Ласточка» [«Я слово позабыл, что я хотел сказать...»]).

⁷ Кантемир перевел четыре сатиры Буало, сохраняя и характерные инфинитивные пассажи ИП.

⁸ Согласно комментаторам [7: 550—551], точная привязка хомяковского патриотизма, то ли антитурецкого, то ли антипольского, зависит от датировки стихотворения, к сожалению, неоднозначной.

.....
И чувствовать тогда, что верен меч стальной

 Что я могу с улыбкою презренья
 На жизнь, на смерть и на судьбу **взирать!**
 О, эти сладкие мгновенья!

Я не хочу в степи земной **скитаться**

 Как робкая жена, пред роком не привык
 Главой послушной **преклоняться,**
Внимать, как каждый день, и скучен, и смешон,
 Всё те же сказки напевает

 Я не рожден **быть** утлою **ладьею,**
 Забытой в пристани, не знающей морей,
 И праздно **истлевать** кормою

 Но я хочу **летать** над бурными волнами
 Могущим **кораблем** с дружиной боевой

Бороться с бездною и с дикою грозой,
 Челом возвышенным **встречать** удар судьбины,
Бродить по области и смерти и чудес,
 И жадно **пить** восторг, и из седой пучины
 Крылом **поэзии** **вноситься** до небес.
 Вот счастливый удел, давно желанный мною.

Переходя от предшественников Фета к его последователям, стоит обратить внимание на второе из «Двух желаний» (1909) Саши Черного (1880—1932), где всего лишь два десятка лет спустя ИП и корабли трактуются уже в пародийном ключе:

Сжечь корабли и впереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет чрез сто.

Тем не менее еще десятью годами позже Н. А. Клюев (1884—1937) выносит в финал стихотворения «Утонувшие в океанах...» (1919), богатого ИП и топикой со- знательно метафорических превращений и перемещений, образ корабля:

...Не кляните ж, ученые люди,
 Вербу, воск и голубку-кутью —
 В них мятеж и **раздумье о чуде**
Уподобить жизнь кораблю,

Чтоб не сгнуться в глухих океанах,
А цвести, пламенеть и питать,
 И в подземных, огненных странах
 К небесам врата отыскать.

Более того, в те же годы метафорическая лодка как программный «транспорт в поэтическое иное» — не исключено, что с оглядкой на Фета, — появляется в длинном инфинитивном пассаже, завершающем стихотворение «Приди ты поздно или рано...» (1920; п. 1921) Федора Сологуба (1863—1927):

Люблю твой взор, твою походку
 И пожиманье тонких плеч,
 Когда в мечтательную лодку
 Тебя стремлюся я увлечь,

Чтобы, качаясь на влаге
 Несуществующей волны,
 Развивши паруса и флаги,
 На остров **плыть**, где реют сны,

Бессмертно ясные навеки,
 Где радость розовых кустов
 Глубокие питают реки
 Среди высоких берегов,

Где весело смеются дети,
 Тела невинно обнажа,
 Цветами украшая эти
 Твои чертоги, госпожа.

А одновременно с этим в парижской эмиграции Дон Аминадо (А. П. Шполянский; 1888—1957), продолжая сатириконскую традицию стихотворного фельетона, пишет содержащее рекордно длинные инфинитивные серии и метапоэтически-ладейный мотив стихотворение «Роман с бретонкой» (1920; п. 1921):

Хорошо у моря, летом,
Быть влюбленным, **быть** поэтом,
Быть преступно молодым.
Жить в избушке у бретонца,
Подыматься раньше солнца,

Натянуть суровый парус
 И **рассечь** воды стеклярус
 Легкой лодкою своей.
Выбрать место. Сеть **закинуть**.

Долго ждать, Тянуть — и **вынуть**,

 Пестрых рыб улов, блестящий

 А потом, при блеске солнца
Плыть назад, к избе бретонца,
 И живую скумбрию

Поднести, как жизнь свою,
 Той, что в мире всех дороже...

и т. д. и т. п.

Уже в советское время — и даже в годы войны — метафорическая, но чисто любовная «ладья в иное» проходит в стихотворении Арсения Тарковского (1907—1989) «Чего ты не делала только...» (1942):

С тех пор не дивлюсь я, что гибель
 обходит меня стороною:
 Я должен ладью **отыскать**,
плыть и плыть и, замучась, **причалить**,
Увидеть такую тебя,
 чтобы вечно была ты со мною,
 И крыл твоих, глаз твоих,
 рук — никогда **не печалить**...

Закончим эту мини-антологию транспортных средств инфинитивным зачином стихотворения Владимира Луговского (1901—1957) «Такая ночь, что руки протянуть...» (ок. 1950; п. 1960):

Такая ночь,
 что руки **протянуть**
 Ко всей вселенной,
 всем созвездьям рядом
И полететь,
 пронзая Млечный Путь
 Ракетой
 межпланетного снаряда...

4

Поскольку речь зашла о послефетовской трактовке ИП, широко тиражированного поэтами Серебряного века, особенно интересны случаи преувеличенной инфинитивизации французских стихов при переводе на русский.

Одним из пионеров абсолютного ИП был Иннокентий Анненский (1856—1909), а одним из его ранних опытов в этом направлении — еще не полностью инфинитивное стихотворение «Начертания ветхой триоди...» (1898? 1904?; п. 1923), представлявшее собой вольный перевод 2-й из «Забытых ариетт» из «Романсов без слов» (1872) Верлена (Paul Verlaine, 1844—1896):

Начертания ветхой триоди
Нежным шепотом будит аллея,
И, над сердцем усталым алея,
Загораются тени мелодий.

Их волшебный полет ощутив,
Сердце мечется в узах обмана,
Но навстречу ему из тумана
Выплывает банальный мотив.

О, развеяться в шепоте елей...
Или ждать, чтоб мечты и печали
Это сердце совсем закачали,
И, заснувши... скатиться с качелей?

Je devine, à travers un murmure,
Le contour subtil des voix anciennes
Et dans les lueurs musiciennes,
Amour pâle, une aurore future!

Et mon âme et mon coeur en délires
Ne sont plus qu'une espèce d'oeil double
Où tremblote à travers un jour trouble
L'ariette, hélas! de toutes lyres!

O mourir de cette mort seulette
Que s'en vont, — cher amour qui t'épeures,
Balançant jeunes et vieilles heures!
O mourir de cette escarpolette!

Как видим, Анненский увеличивает число инфинитивов и разнообразит их состав, чувствуя себя в ИП как дома. Любопытно, что Сологуб («Я угадываю сквозь шептанья...»; 1893/1922) и Георгий Шенгели (1894—1956; «Я провижу в стреко-чушем хоре...») перевели те же стихи в более точном соответствии с оригиналом:

Сологуб:

Умереть бы так, как отлетели
Те часы изгнания и рая,
Что Амур качал, мне угрожая!
Умереть бы в этой колыбели!

Шенгели:

Умереть бы, как те отлетели —
Быстрых мигнов истаявших звоны,
Что колеблет Амур уstraшенный!
Умереть бы на этой качели!

Напротив, Валерий Брюсов (1873—1924; «Целует клавиши прелестная рука...») в своем варианте верленовской ариетты от инфинитивов вообще отказался: ...*Что хочешь от меня, ты, песни нежный хмель? / И ты, ее припев, неясный и манящий, / Ты, замирающий, как дальняя свирель, / В окне, растворенном на сад вечерний, спящий?*

Но тот же Брюсов, переводя «Sur la grève» (1900) Анри де Ренье (Henri de Regnier; 1864—1936), написанное императивами, транспонировал его в абсолютное ИП («На отмели» (1913):

Прилечь на отмели, двумя руками взять (Чтоб за песчинкою песчинку высыпать) Горсть белого песка, что золотит закат, И, раньше чем глаза закроешь, бросить взгляд	Couche-toi sur la grève et prends en tes deux mains, Pour le laisser couler ensuite, grain par grain, De ce beau sable blond que le soleil fait d'or; Puis, avant de fermer les yeux, contemple encor
На море стройное и в глубину небес; Потом, почувствовав, что весь песок исчез Из облегченных рук, что нет в них и крупницы, Подумать, прежде чем опять раскрыть ресницы,	La mer harmonieuse et le ciel transparent, Et, quand tu sentiras, peu à peu, doucement, Que rien ne pèse plus à tes mains plus légères, Avant que de nouveau tu rouvres tes paupières,
О всем, что наша жизнь берет у нас, мешая Легучий свой песок на отмели без края.	Songe que notre vie à nous emprunte et mêle Son sable fugitif à la grève éternelle.

Ср. грамматически более точный перевод (1911) Максимилиана Волошина (1877—1932):

Приляг на отмели. Обими руками
Горсть русого песку, зажженного лучами,
Возьми и дай ему меж пальцев тихо течь,
А сам закрой глаза и долго слушай речь
Журчащих вод морских и ветра трепет пленный,
И ты почувствуешь, как тает постепенно
Песок в твоих руках, — и вот они пусты,
Тогда не раскрывая глаз, подумай, что и ты —
Лишь горсть песку, что жизнь порывы воль мятежных
Смешает, как пески на отмелях прибрежных.

Последним в этом ряду примеров чрезмерной инфинитивизации приведу «Упражнения» (1914) Т. Л. Щепкиной-Куперник (1874—1952) — перевод «Exercices» Э. Ростана (Edmond Rostand, 1868—1918) из кн. «Les Musardises» (1887—1893):

Встряхнем сонливую усталость, Что всё позабывать склонна, И летаргического сна Прогоним тягостную вялость. Хотеть! Научимся хотеть! При этом волею железной. Для нас спасение одно: Хотеть! Чего? Не всё ль равно? Хотеть сорвать цветок над бездной, Хотеть искусным стать стрелком,— Иль брать барьеры напролом. Пусть развлеченье! Пусть забава!	Secouons la léthargie Où tout est trop oublié, Et traitons notre énergie Comme un muscle atrophié. Veillons pour vouloir. La chose Importe peu! Mais veillons! Veillons cueillir une rose Sur un gouffre, et la cueillons; Veillons franchir un obstacle, Devenir tireur adroit, Organiser un spectacle, Faire respecter un droit,
---	--

Спектакль устроить иль пикник;
Восстать за попранное право;
 Нубийский **изучить** язык;
Преодолеть наречье курдов;
Хотеть нелепостей, абсурдов,
 Чего угодно, чтоб **уметь**
 По-настоящему **хотеть!**
 Поскай в душе не будет мира.
 Жизнь, жизнь! Не всё ль равно нам — в чем?
 Ведь учит легкая рапира
 Тяжелым овладеть мечом.
 Сперва попробуем несмело,
 С смирением ученика,
Хотеть чего-нибудь слегка;
 Потом — сильней, потом — всецело!
 Бросая камни у реки,
 Чтоб **приобрести** размах руки,
 Не будем **начинать** тяжелым!
 Начавши с маленьких камней,
 Возможно легче и скорей
Стать самым лучшим дискоболом.
 Пусть добрым знаком будет нам,
 Когда мы *так хотеть* устали...
 Ведь, утомясь от скучных гамм,
 Мы все же время не теряли,
 Коль упражнялись на рояли.
 Так честолюбец и герой
 Всё время детской игрой
 Как будто на смех развлекался...
 И в бильбоке ему попался
 В конце концов весь шар земной!

Parler la langue des Kurdes,
Écrire le nubien;
 Veillons des choses absurdes
 Pour **apprendre à vouloir** bien!
 Quittons l'âme inoccupée
 Que nul désir n'effleurait:
 On apprend la lourde épée
 Avec le léger fleuret.
 Ces petits sports volontaires
 Ne seront pas superflus.
 Ainsi qu'on fait des haltères,
 Veillons peu d'abord, puis plus.
 Ramassons aux plages molles,
 Des cailloux, et lançons-les!
 On devient des discoboles
 En maniant les galets.
 Lorsque nous nous fatigâmes
À vouloir, soyons contents;
 Car lorsqu'on a fait ses gammes
 On n'a pas perdu son temps.
 Telle ambition profonde,
 Jouant un jeu qu'on moquait,
 Guettait la boule du monde
 Dans celle d'un bilboquet.

Литература

1. *Жолковский А. К.* К проблеме инфинитивной поэзии (Об интертекстуальном фоне «Устроиться на автобазу...» С. Гандлевского) // ИАН СЛЯ. 61. № 1. С. 34—42.
2. *Жолковский А. К.* Инфинитивное письмо: Тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения. I. Сб. статей по мат-лам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (27—29 июня 2000 г.) / Сост. П. Л. Вахтина, А. А. Долинин, Б. А. Кац и др. СПб.: Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 250—271.
3. *Жолковский А. К.* Инфинитивное письмо и анализ текста: «Леиклос» Бродского // Поэтика исканий и поиск поэтики. Мат-лы Междунар. конф.-фестиваля «Поэтический язык рубежа веков и современные литературные стратегии» / Ред.-сост. Н. А. Фатеева. М.: Изд-во Ин-та русского языка РАН. С. 132—150 (в печати).

4. *Мюссе А. де.* Избранные произведения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1957.
5. *Тарановский К.* О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000.
6. *Федоров Л. А.* К истории творчества Фета: Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М.: Ин-т Русской Литературы АН СССР, 1934. С. 573—578.
7. *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы / Вступит. ст., подгот. и примеч. Б. Ф. Егоров. Л.: Советский писатель, 1969.
8. *Musset A. de.* Poésies completes / Ed. et annot. M. Allem. Bibliothèque de la Pléiade. Paris: Gallimard, 1957.
9. *Tallemant P.* Le Voyage et la conquête de l'isle d'amour, le passe-partout des coeurs. Paris: Augustin Besoigne, 1675.